

ИЗЪ
КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІИ

В. А. ИНСАРСКАГО.

ПОѢЗДКА ВЪ БАКУ.

МОСКВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Т. ЯСКЪ, У МОНАШЕНСКОГО ДВОР., Д. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

1908.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. А. ИНОАРСКАГО.

Доволено цесаремъ. Москва, 22 Апрѣля 1868 г.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. А. ИНСАРСКАГО.

ПОЪЗДЕА ВЪ БАКУ.

МОСКВА.

ТВОДОГРАФИЪ Т. РАСЪ, У МАШИИЩЕЛЪ ДОУ. Д. ВОИИИКОУ.
1888.

Поездка въ Баку.

Не смотря на пріятныя и почетныя отношенія, которыми окружилъ меня Кавказъ съ самаго пріѣзда моего туда, я не могъ не испытывать въ моемъ положеніи нѣкотораго тревожнаго раздвоенія. Одною половиною я принадлежалъ Кавказскому міру, а другою Петербургу, откуда моя семья, по моимъ планамъ и указаніямъ, должна была сдѣлать огромный переѣздъ на Кавказъ. Переѣздъ этотъ я направилъ воднымъ путемъ, рассчитывая, что онъ во всякомъ случаѣ представитъ несравненно болѣе спокойствія, чѣмъ сухопутное путешествіе по нашимъ дорогамъ и чрезъ наши станціи. И дѣйствительно, при содѣйствіи нѣкоторыхъ связей и безчисленныхъ писемъ, которыя я рассылалъ во все концы міра, семейство мое совершало это путешествіе съ величайшими удобствами. Оно направлялось на Астрахань, а оттуда на Баку. Въ то время находился въ ходу вопросъ о подчи-

ненія Астраханской губерніи Кавказскому управленію, и поэтому понятно, въ какихъ любезныхъ отношеніяхъ къ этому управленію находились тамошніи власти. Кавказскій наместникъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, по моей просьбѣ, писалъ туда, чтобы, по прибытіи въ Астрахань моего семейства, устроить его тамъ и потомъ отправить въ Баку самымъ благонадежнымъ образомъ. Тогда между Астраханью и Баку существовало довольно жадкое, такъ называемое „почтовое пароходство.“ По Кавказскому календарю значилось, что пароходы изъ Астрахани идутъ въ Баку два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го и при благоприятныхъ обстоятельствахъ приходятъ туда на пятый день. Съ простодушіемъ неопытности, довѣрилъ этимъ печатнымъ явленіямъ, и въ письмахъ своихъ къ семьѣ настоятельно требовалъ, чтобы прибытіе ея въ Астрахань послѣдовало непременно въ концѣ августа. Я рассчитывалъ, что если въ одинъ и тотъ же день, 1-го сентября, семья моя отправится изъ Астрахани, а я выѣду, на встрѣчу ей, изъ Тополи, то мы можемъ съѣхаться въ Баку также въ одинъ и тотъ же день. Разница могла

заканчаться только въ нѣсколькихъ часахъ.

Та самая карета, которая привезла меня изъ Петербурга въ Тифлисъ, карета поразительная по своей крепости, помчала меня въ гор. Билу, который отстоитъ отъ Тифлиса на разстояніи до 600 верстъ. Мнѣ говорили, что на этомъ пространствѣ лѣтомъ просто ѣздить невозможно: до такой степени эта полоса исполнена лихорадочными мѣрами; нѣкоторые прибавляли, что проѣздъ тутъ даже въ сентябрѣ не совсѣмъ безопасенъ. Не знаю почему, но всѣ эти рассказы казались мнѣ преувеличенными, и я смѣло, ни о чемъ не думая, пустился въ путь, въ радостной надеждѣ слиться наконецъ съ своей семьей, съ которой разлучился въ первый разъ и которой не видалъ восемь мѣсяцевъ. Дѣйствительность подтвердила однако же въ значительной степени всѣ эти рассказы. Несмотря на явное оффиціальное значеніе, которое я началъ сознывать въ себѣ, я сталъ встрѣчать затрудненія въ полученіи лошадей, и еще болѣе конвоя. На мои грозныя разглагольствія, мнѣ спокойно предлагали взглянуть на помѣщенія импичковъ и казаковъ, что я и дѣлалъ

разъ или два. Видъ этихъ помѣщеній былъ поразителенъ: на широкой лавкѣ, или такъ называемыхъ нарахъ, валились въ безпорядкѣ различныя фигуры съ страшно-блѣдными и изможденными лицами, съ запекшимися и полопавшимися губами, съ открытыми ртами, наполненными мухами, фигуры мертвецовъ, въ жару и бреду испускающія стоны. Я щедро раздавалъ хинные порошки, которыми запасся въ изобиліи въ Тиолисѣ и ѣхалъ далѣе, сдерживая уже свои претензіи, въ виду страшныхъ страданій человечества на этой полосѣ земли.

Надо замѣтить, что независимо отъ болѣзненныхъ опасностей, путь отъ Тиолиса къ Елисаветполю, не смотря на то, что онъ лежитъ внутри мирнаго края, далеко не безопасенъ для путешественниковъ и въ другомъ отношеніи. Татарское населеніе, занимающее эту полосу и неимѣющее ничего общаго съ храбрыми мусульманскими населеніемъ враждебныхъ горцевъ, — постоянно занимается грабежами. Въ моемъ департаментѣ сосредоточивались всѣ донесенія о происшествіяхъ: большая часть происшествій совершается именно на этомъ пространствѣ. Ночью тутъ вовсе не

бѣдять, за исключеніемъ курьеровъ. Лишенные всякой храбрости, эти татары всегда нападаютъ тамъ, гдѣ на ихъ сторонѣ тройная или четверная сила и гдѣ всякое сопротивленіе не возможно. Самая форма нападенія чрезвычайно подлая и всегда начинается или татарскимъ привѣтствіемъ, или какою-нибудь пустою просьбою, причемъ эти хищники высматриваютъ, какое у васъ оружіе и съ какой стороны лучше на васъ напасть. Разсказовъ объ этихъ нападеніяхъ и грабежахъ, и именно на этомъ пространствѣ, ходитъ въ Тифлисѣ бездна. Со мною однако-же не случилось ничего особеннаго, и я совершенно благополучно достигъ границы Шемахинской губерніи, переименованной впоследствии въ Бакинскую.

Незадолго предъ тѣмъ, губернаторомъ въ эту губернію назначенъ былъ князь Константинъ Тархановъ, братъ того знаменитаго Кавказскаго героя князя Іосифа Тарханова, котораго самъ князь А. И. Барятинскій, называлъ „храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ.“⁴ Князь Константинъ Тархановъ слытъ на Кавказѣ чрезвычайно умнымъ и опытнымъ человекомъ; но если я мало зналъ въ то время князя Тарханова

и вовсе не интересовался назначеніемъ его губернаторомъ въ Шемахинскую губернію, то такой проницательный человѣкъ не могъ не интересоваться моею личностію.... Неожиданное, но вѣрное доказательство тому явилось на Мингачаурской переправѣ чрезъ Куру, которая составляетъ границу, отдѣляющую Шемахинскую губернію отъ Тифлисской. Я сказалъ уже, что путешествіе мое въ предѣлахъ Тифлисской губерніи не имѣло ничего блестящаго. Мнѣ было самому совѣстно требовать значительнаго конвоя, когда почти всѣ казаки походили на мертвецовъ. Съ этими скромными возмрънiями я передвигался на паромѣ чрезъ мутную Куру, погруженный въ разнородныя мечтанiя о семействѣ, которое вѣхалъ встрѣчать, о Петербургскомъ мірѣ, съ которымъ разстался, о новомъ Кавказскомъ мірѣ, мірѣ, столь пестромъ и своеобразномъ, въ который я погрузился. Въ этихъ мечтанiяхъ я взглянулъ на противуположный берегъ, къ которому приближался, и по обыкновенію глаза мои встрѣтили одинъ изъ духовновъ, которыхъ такъ много разбросано на всѣхъ точкахъ Закавказья. Кругомъ духовъ было много татарскихъ фигуръ, какъ всегда

вооруженныхъ, изъ которыхъ одѣя лежали, другія столли и третьи ходили, образуя разнообразныя группы; не вдалекѣ было много лошадей, частью осѣдланыхъ, очевидно принадлежащихъ этимъ татарамъ. Все это вмѣстѣ представляло такую обыкновенную картину, что она вовсе не обратила на себя особеннаго моего вниманія. Когда я и экипажъ мой очутились на берегу, одинъ изъ татаръ приблизился къ моему камердинеру и началъ съ нимъ продолжительно шептаться. Оказалось, что вся эта толпа, подъ предводительствомъ помощника участковаго засѣдателя, тоже изъ татаръ, по распоряженію Шемахинскаго губернатора, уже нѣсколько дней ожидаетъ здѣсь изъ Тифлиса какого-то генерала, чтобъ составить его конвой, и что этотъ генералъ именно я и есмь. Мигомъ все бросилось къ верховымъ лошадямъ и образовало нѣчто въ родѣ эскадрона. Нѣкоторое, слабое впрочемъ, чувство пріятности, производимое такимъ почетомъ, заглушалось совершенно во мнѣ заботами о тѣхъ отношеніяхъ, въ которые я долженъ поставить себя къ этимъ людямъ, отношеніяхъ, которыя, по неопытности моей, представлялись мнѣ чуждыми и

ствительными. Тысячи самыхъ разнородныхъ соображеній мгновенно пролетѣли въ моей головѣ. Я вспомнилъ неоднократно высказанныя мнѣ княземъ Александромъ Ивановичемъ замѣтки, что въ азіатскомъ краю власть и проводники ея должны отличаться важностью и силой, и что малѣйшая уступка въ этомъ отношеніи принимается всегда за признакъ слабости; потомъ мнѣ пришло въ голову, что какой же я начальникъ, и что если буду важничать, то буду смѣшонъ, прежде всего, въ собственныхъ своихъ глазахъ (и этого особенно я избѣгалъ, и довольно удачно, въ теченіи всей моей жизни), наконецъ, и болѣе всего, меня мучило то, что если я на первыхъ же порахъ надѣлаю чепухи въ томъ или другомъ отношеніи, то непремѣнно сдѣлаюсь баснею всего края, подобно пріятелю моему.... Процессъ этой внутренней борьбы долженъ былъ совершиться быстро, ибо предъ моими глазами стоялъ цѣлый отрядъ верховыхъ татаръ, какъ-то тупо и спокойно смотрящихъ на мою карету, и предъ самыми дверцами ея торчалъ почтенный, съдой старикъ-татаринъ, несмотря на тридцатипятиградусный жаръ, одѣтый въ какую-то короткую

мѣховую шубу съ огромной на головѣ папакѣ, изъ подъ которой по бритому лбу текли обильные ручьи грязнаго пота. Я рѣшился вести себя истиннымъ представителемъ Петербурга въ томъ вниманіи, что если я надѣлаю глупостей, то ужъ самыхъ любезныхъ, цивилизованныхъ, которыя мнѣ простятъ скорѣе, чѣмъ проявленіе какого нибудь напыщеннаго самодурства. Принявъ такое рѣшеніе, я выскочилъ изъ кареты, при помощи переводчиковъ вступилъ въ любезныя объясненія съ почтеннымъ старикомъ, жалъ ему руки и повелъ его въ комнату духана. Тамъ я старался объяснить ему, какъ неожиданно для меня такое вниманіе, какъ я глубоко благодаренъ за него, какъ мнѣ совѣстно, что я причиною такого безпокойства и т. п. Съ своей стороны, умный старикъ увѣрялъ меня, что это ничего, что имъ тоже пріятно встрѣтить меня, въ доказательство чего привелъ, что многіе беки (дворяне) сами вызвались конвоировать меня. Я просилъ представить ихъ мнѣ, жалъ имъ руки на петербургскій манеръ и вообще стараясь очаровать этихъ полудикахъ сыновъ страны хотя древней, но тоже еще значительно дикой. Когда я узналъ,

что старикъ будетъ провожать меня чрезъ весь свой участокъ, т. е. въ сколько станцій, и все верхомъ, я рѣшительно предъявить протестъ противу такого намѣренія; и когда убѣдился, что слова мои не имѣютъ достаточной силы, сталъ упрашивать старика, чтобъ онъ ѣхалъ со мной въ каретѣ, объявить, что въ противномъ случаѣ не тронусь съ мѣста. Старикъ долженъ былъ уступить моимъ настояніямъ, хотя скоро обнаружилось, что какъ эти настоянія, такъ и его уступчивость, равно были опрометчивы. Начать съ того, что, выросши на конѣ, онъ никогда не заѣзжалъ въ изобрѣтенную цивилизаціею квадратную клѣтку, обхватившую его со всѣхъ сторонъ, да едва-ли и видѣлъ ее когда нибудь. Потомъ онъ долженъ былъ, одѣтый въ мѣховое, т. е. самое почетное платье, закупориться въ эту клѣтку въ страшнѣйшую жару, когда и на открытомъ воздухѣ не было никакой прохлады. Къ этому прибавить надо, что онъ не говорилъ по русски, а я не понималъ ни слова по татарски.... Когда помчалась карета наша, качаемая со стороны на сторону неровною дорогою, я тотчасъ замѣтилъ на лицѣ моего собесѣдника величай-

шевъ безпокойство: при малѣйшемъ колебаніи экипажа онъ постоянно хватался за что нибудь, обильный потъ изъ нодъ падали, продажалъ по бритому лбу новые ручки. Видно было, что подъ видомъ любезности я погрузилъ сего почтеннаго мусульманина въ адскія муки; мнѣ было ужасно совѣстно, тѣмъ болѣе, что я не имѣлъ средствъ улучшить его положеніе. Сначала я показывалъ ему, какъ извѣстная пружина подъ каретными стеклами мгновенно подхватываетъ занавѣски, при чемъ онъ говорилъ: „якши“ (хорошо); но скоро убѣдился, что на этой штуцѣ трудно утвердить его спокойствіе, и потому нашелъ самымъ приличнымъ въ этомъ затруднительномъ положеніи закрыть глаза и притвориться спящимъ, предоставляя моего спутника его судьбѣ.... Скоро, однакоже, я дѣйствительно заснулъ, а когда проснулся, то моего товарища не было уже въ каретѣ: онъ летѣлъ на конѣ впереди конвоя и разсѣвалъ вечерній воздухъ. Мнѣ, конечно, не было надобности доискиваться причинъ, почему онъ оставилъ мою петербургскую карету и предпочелъ огненнаго карабахскаго коня.... Сопровождаемый почетнымъ конвоемъ,

который смѣнялся на каждой станціи, я придетѣлъ такимъ образомъ въ Шемаху, городъ, довольно значительный, но чисто азіатскій, состоящій почти исключительно изъ сахель, среди которыхъ изрѣдка возвышались дома жилищныхъ людей. Отобѣдавъ у губернатора, я, несмотря на всѣ его убѣжденія погостить въ Шемахѣ, на другой же день, раннимъ утромъ, отправился въ Баку, положительно сѣдаемый нетерпѣніемъ свидѣться съ моимъ семействомъ.

Баку лежитъ отъ Шемахи въ 100 верстахъ, и потому въ тотъ же день къ вечеру я завидѣлъ синія воды Каспійскаго моря, на берегу котораго этотъ городъ стоитъ. Еще верстъ за семь отъ Баку на встрѣчу мнѣ двигался какой то тарантасъ, въ которомъ, съ постепеннымъ приближеніемъ его къ намъ, можно было разсматривать мушкетирскую фигуру. Я тотчасъ смекнулъ, что эта фигура тоже путешествуетъ, такъ сказать, на мой счетъ. И дѣйствительно, за нѣсколько шаговъ до окончательной встрѣчи, фигура выѣзла изъ тарантаса и стала въ почтительное положеніе посреди столбовой дороги. Поравнявшись съ нею, я тоже вышелъ изъ кареты и

узналъ, что это былъ Вакинскій узданный начальникъ, Пигулевскій, „имѣвшій честь явиться“. За эту честь я сильно укорялъ Пигулевскаго и просилъ его пристроить меня какъ нибудь въ Баку. Пигулевскій сталъ доказывать, что если я не остановлюсь у него, то это будетъ кровной для него обидой и позоромъ на всю губернію. Во всей фигурѣ этого господина и особенно въ манерѣ его изъясняться видно было какое-то добродушіе, смѣшанное съ замѣчательнымъ остроуміемъ. Все это на первыхъ же порахъ произвело на меня весьма пріятное впечатлѣніе, такъ что я предоставилъ ему дѣлать со мною, что хочетъ и знаетъ. Это доброе первоначальное впечатлѣніе не обмануло меня. Последствіемъ вполне подтвердили, что это былъ дѣйствительно отличный господинъ. Когда заключены были наши предварительные переговоры, Пигулевскій сѣлъ въ свой тарантасъ, пригласивъ мою карету слѣдовать за нимъ. Въѣхавъ въ самый городъ, я нашелъ, что онъ лучше Шемахи уже потому собственно, что стоялъ на берегу моря и оживлялся кипучею дѣятельностью на пристаняхъ. Въ Баку же существовала морская станція. Съ

начальникомъ этой станціи, Фрейгангомъ, я познакомился тутъ-же, проѣзжая городъ. При пѣздѣ въ какіе-то ворота, произошла остановка, которая заставила насъ выйти изъ экипажей; въ этотъ моментъ проходилъ въ тѣ же ворота Фрейгангъ, котораго Пигулевскій тотчасъ и представилъ мнѣ. Наконецъ мы добрались до дома уѣзднаго начальника, въ которомъ Пигулевскій и отвелъ мнѣ нѣсколько комнатъ. Пигулевскій былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но въ это время все семейство его, какъ онъ увѣрялъ меня еще на дорогѣ, было въ отсутствіи гдѣ-то у родственниковъ. Домъ стоялъ почти на самомъ берегу моря, былъ въ одинъ этажъ и отличался такою чистотою и уютностью, что я и теперь съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю свѣтлыя прекрасныя комнаты, въ которыхъ рассчитывалъ провести нѣсколько часовъ, а провелъ, по вѣднію судьбы, почти около мѣсяца. Къ величайшему моему счастью оказалось, что на берегу моря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, находилась ванна, въ которую я мгновенно и бросился и въ которой потомъ ежедневно нырялъ по нѣскольку разъ.

Освѣженный волнами Каспійскаго

моря, я возвратился въ свои комнаты. Суетливый и хлѣбосольный Пигулевскій тотчасъ забросалъ меня безчисленными вопросами по части продовольствія. Я отвѣчалъ ему рѣшительно, что владѣю изряднымъ аппетитомъ и съ удовольствіемъ буду ѣсть все, что мнѣ дадутъ, и что по части тонкостей гастрономическихъ я совершеннѣйшій невѣжда. При наступленіи времени ужина я былъ, однако, значительно смущенъ, когда для приготовленія стола явилась какая-то татарская, довольно грязноватая, какъ всегда, фигура въ засаленномъ архадукѣ, въ огромной бараньей шапкѣ, надѣтой на бритую голову, и съ кинжаломъ за поясомъ, ужасающей величины. Скоро, впрочемъ, я позналъ истинно неоцѣненные достоинства этой азіатской персоны: это былъ такой великолѣпный буфетчикъ или дворецкій, какъ хотите, что дай Богъ и русскому, во всякомъ порядочномъ домѣ. Назывался онъ, сколько помню, какимъ то „ага“. Этотъ „ага“ скоро сдѣлался истиннымъ моимъ пріелемъ и своими распоряженіями по части завтраковъ, обѣдовъ, ужиновъ приводилъ меня въ полнѣйшее восхищеніе. Само собою разумѣется, что зна-

чительная доля этого восхищенія принадлежала по справедливости повару, который, къ удивленію, тоже оказался „артистомъ“, что, впрочемъ, и надо было предугадывать уже потому собственно, что онъ былъ бѣлый, т. е. человѣкъ съ дарованіемъ и стремленіемъ къ свободѣ. Однимъ словомъ, съ этой стороны, со стороны хозяйственной, я, по пословицѣ, „катался какъ сыръ въ масло“.

Но въ моемъ путешествіи, конечно, эта сторона менѣе всего принималась въ расчетъ: только силою сложившихся обстоятельствъ я вынужденъ былъ ознакомиться съ нею. Въ моихъ цѣляхъ не было ни бакинскаго повара, ни туземнаго метрдотеля, ни даже самого Пигулевскаго; мнѣ нуженъ былъ пароходъ, который долженъ былъ привезти мнѣ мое семейство. Увы! эти-то именно цѣли не только отдалились, но и осложнились такими событіями, о которыхъ я вспомнить страшно. Начать съ того, что мнѣ тотчасъ пришлось убѣдиться въ истинѣ, еще Фамусовымъ провозглашенной: „всѣ врутъ календари“. Кавказскій календарь, въ примѣненіи къ моему положенію, совралъ презнаменито. Когда я въ тотъ же вечеръ, какъ

приѣхалъ въ Баку, спросилъ за ужиномъ собесѣдниковъ: въ какомъ часу на другой день можно ожидать прибытія парохода изъ Астрахани, а тотчасъ замѣтилъ на всѣхъ лицахъ какую-то ироническую улыбку. Улыбка эта разъяснилась такимъ образомъ, что съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ міръ стоитъ, или по крайней мѣрѣ съ тѣхъ, какъ существуетъ между Астраханью и Баку такъ называемое почтовое пароходство, никогда не случалось, чтобы пароходъ приходилъ, какъ сказано въ календарѣ, на пятый день; что пароходы отходятъ изъ Астрахани и приходятъ въ Баку, какъ Богъ дастъ, совершенно случайно; что маленькіе, плоскодонные эти пароходишки ползутъ, какъ раки и при малѣйшей непогодѣ укрываются гдѣ нибудь и стоятъ тамъ, тоже сколько случится; что при самомъ отходѣ изъ Астрахани, они тотчасъ натываются на такъ называемую „Бирючью косу“ и стоятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Богъ подбавитъ водицы и дастъ пароходу возможность перескочить чрезъ нее; что, наконецъ, тотъ пароходъ, который, согласно росписанію, напечатанному въ коварномъ календарѣ, долженъ былъ выйти изъ Астрахани 1-го

сентября, недавно только пропелъ мимо Баку въ дальнѣйшіе порты; следовательно надо ждать, во первыхъ, когда онъ пройдетъ назадъ въ Астрахань и во вторыхъ, когда потомъ уже снова пойдетъ изъ Астрахани, на что, по самому умѣренному расчисленію, потребуется около мѣсяца.

Всѣ эти неутѣшительные рассказы я слушалъ съ чувствомъ, понятнымъ каждому. Оно сдѣлается еще понятнѣе, когда къ этимъ рассказамъ прибавляди, что теперь прибытіе парохода еще труднѣе опредѣлить съ точностію потому, что сентябрь и октябрь мѣсяцы самые дурные и затруднительные для плаванія по Каспійскому морю, въ чемъ я самъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, слушая, съ одной стороны, дикія завыванія вѣтра, а съ другой смотря собственными глазами на вздымающіяся горами волны съ террасы, устроенной при домѣ. Неопредѣленное утѣшеніе я находилъ въ томъ только, что Астраханскимъ властямъ писано было самимъ княземъ принять всевозможныя мѣры къ благополучному путешествію моего семейства. Мнѣ представлялось, хотя конечно очень неподожительно, что эти власти найдутъ

для него пароходъ, хотя бы ни для кого другаго не было пароходовъ; что этотъ пароходъ они сдѣлають особенно крѣпкимъ, хотя бы всѣ пароходы, находившіеся въ ихъ распоряженіи, были слабы и неисправны и что, наконецъ, они сдѣлають какъ ни будь (на то они и власти), чтобы море, обыкновенно бурное въ сентябрѣ, сдержало свои порывы на этотъ моментъ. Вообще мнѣ казалось, что всѣ рассказы, которые я слышалъ и о пароходахъ, и о морѣ, рассказы, въ высшей степени неутѣшительные, не совсемъ относятся до моего семейства, обставленнаго особыми привиллегіями и прикрытаго могучимъ покровительствомъ. Человѣку всегда свойственно думать, что неудачи, несчастія другихъ—вещь, для него совершенно посторонняя.

Какъ ни старался я, однако, ободрить себя,—видъ моря, на которое я смотрѣлъ постоянно и которое могъ обозрѣвать на далекое пространство, насылалъ непреодолимо въ душу самую тяжелую впечатлѣніи. Верстахъ въ семи отъ берега, среди моря, стоялъ какой-то островъ, и я видѣлъ, какъ лѣзли на него громаднѣйшія волны и разбивались о его грудь бѣлою пѣною. Въ

теченіи ночи впечатлѣнія эти становились просто мучительны. Много ночей я проводилъ, не смыкая глазъ. Съ одной стороны шумъ бурнаго моря, а съ другой сliestъ неистоваго вѣтра, изъ углы комнаты, гдѣ была моя спальня, наводили на меня непоколебимый ужасъ. Мысль, что въ эти минуты, среди мрачной и бурной ночи, мое семейство во власти яростнаго моря, томилла душу. Я проклиналъ Кавказъ, который изъ моего покойнаго петербургскаго положенія увлекъ меня въ такую дикую мѣстность, въ такое отчаянное состояніе. Я готовъ былъ отдать полжизни, чтобы видѣть мою семью на берегу, подлѣ меня. Мнѣ казалось, что я никогда не получу ея, что я самъ погубилъ ее. Словомъ, мысли мои становились все чернѣе и чернѣе съ теченіемъ времени.

Само собою разумѣется, что эти внутреннія мои ощущенія никому не были доступны. Добрый Пигулевскій, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Баку пріятнымъ и, если устранить эти ощущенія — достигалъ цѣли своихъ усилій самымъ блестящимъ образомъ. Начать съ того, что онъ представилъ мнѣ всѣхъ именитыхъ людей города

и уѣзда, старыхъ и почтенныхъ татаръ, которые большею частію мнѣ понравились пріятнымъ достоинствомъ, съ которымъ они держали себя. Потомъ онъ перезнакомилъ меня со всѣмъ административнымъ составомъ города, въ которомъ морской элементъ выдавался самымъ яркимъ образомъ. И сказалъ уже, что начальникомъ морской станціи въ Баку, былъ морякъ Фрейгангъ, человѣкъ честный, открытый и пріятный. Домъ Фрейганга, сколько по его положенію, столько же и по наклонности его къ хлѣбосольству, былъ дѣйствительно станціей, на которой всегда можно было видѣть толпы морскихъ офицеровъ, то прибывающихъ, то отбывающихъ и гдѣ всегда было весело, при содѣйствіи танцевъ и пѣнія. Потомъ Пигулевскій окружилъ меня толпою молодежи, какая нашлась въ Баку и которая съ самаго утра наполняла мои комнаты. Въ риду этой молодежи надо упомянуть Поленскаго, участковаго засѣдателя, т. е. подчиненнаго Пигулевскому. Это былъ отличный молодой человѣкъ, удивлявшій своимъ пребываніемъ въ такомъ захолустьѣ. Красивый собою, образованный, ловкій, онъ могъ бы сдѣлать честь лю-

бому изъ петербургскихъ департаментовъ. Какими судьбами онъ попалъ въ Закавказье—я не спрашивалъ; но одно уже то, что онъ былъ полякъ, наполовину разъясняло вопросъ. Закавказье въ этомъ отношеніи дивная страна: чего тамъ не встрѣтишь? Въ эту же поѣздку, ужъ не помню гдѣ, меня встрѣчалъ на обратномъ пути, другой, тоже участковый засѣдатель, въ родѣ русскихъ становыхъ приставовъ—чистѣйшій француз! Если припомнить, что въ самый день моего прибытія въ Тифлисъ ко мнѣ явился тамъ частный приставъ баронъ Де Монфоръ, то будетъ ясно, что Закавказье имѣетъ притягательную силу для разноплеменныхъ авантюристовъ. Затѣмъ въ составѣ молодежи, окружавшей меня, было нѣсколько личностей, привлеченныхъ обширнымъ коммерческимъ предпріятіемъ барона Торнау. Здѣсь рельефно выдавалась фигура Потѣхина-младшаго. Это былъ красивый молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, съ задатками литературнаго дарованія, тѣхъ же свойствъ и того же размѣра, какъ и у старшаго его брата, въ чемъ я лично убѣдился по многимъ рукописямъ, которыя онъ

возилъ съ собою и давалъ мнѣ читать.

Потомъ Пигулевскій устраивалъ для меня различныя поѣздки. Само собою разумѣется, что поѣздка на знаменитые бакинскіе огни занимала здѣсь первое мѣсто: одна была сухопутная, къ храму огнепоклонниковъ, другая морская. Изъ многообразныхъ разсказовъ, какіе я слышалъ на Кавказѣ, извѣстно, что въ Закавказьѣ появился первоначально какой-то индеецъ, секты огнепоклонниковъ, привлеченный именно бакинскими огнями. Занимаясь духовными дѣлами, онъ вздумалъ попытать счастья и въ мірскихъ дѣлахъ. Попытка эта была столь удачна, что посредствомъ подрядовъ, ростовщичества и другихъ оборотовъ, онъ скоро и сильно разбогатѣлъ и тогда-то выстроилъ храмъ для огнепоклонниковъ, зданіе весьма эффектное и устроенное такъ, что изъ каждой башни его выходили огненные языки, что вечеромъ представляло зрѣлище, истинно великолѣпное и изумительное.

При моемъ посѣщеніи храма я видѣлъ тамъ нѣсколько индійцевъ и между ними старшаго, который, при нашемъ прибытіи, тотчасъ присту-

шилъ къ богослуженію. Началось оно пронзительнымъ свистомъ въ какую-то раковину и появленіемъ огня на различныхъ точкахъ. Потомъ оно очень походило на наши молебны. Старшій что-то читалъ и провозглашалъ, упоминая ими Государи, а потомъ и наши имена, а другіе индійцы, сяди на корточкахъ по стѣнамъ, что-то выла время отъ времени. Полагають, что все это богослуженіе не есть истинное богослуженіе огнепоклонниковъ, а сочиненное хитрыми индійцами искусственно въ подражаніе нашему, для того, чтобы приличіемъ обирать посѣтителей. Въ заключеніе этого истиннаго или ложнаго богослуженія старшій индѣецъ обносилъ посѣтителѣмъ на тарелкѣ маленькіи кусочки леденцу, а тѣ должны были класть на ту же тарелку свои посильныя приношенія.

Мѣстность кругомъ храма до такой степени изобилуетъ нефтянымъ газомъ, что мальчишки, вырывъ небольшую ямку, тотчасъ воспламенили ее. На этой мѣстности находились многіе широкіе и глубокіе колоды, въ которыхъ также пылало пламя, представляя, такъ сказать, наглядное изображеніе ада.

Морская поездка представляла спо-

его рода занимательность. На огромномъ катерѣ отправились мы, при наступленіи лунной ночи, въ море, верстѣ за семь, если не ошибаюсь. Когда прибыли на то пространство, которое извѣстно своею воспламененностью нѣмъ туземнымъ жителямъ, матросы зажгли нѣкоторое количество пакли и бросали ее на воду. Вода, или лучше сказать, газъ изъ нея выходящій, много воспламенился. Море на значительномъ пространствѣ сдѣлалось огненнымъ, что конечно для непривычнаго глаза представило зрѣлище поразительное. Пламенные волны, качались по волю вѣтра, довольно впрочемъ тихаго, прозили какъ будто поглотить насъ. Мы отъѣхали на соответственное разстояніе и долго любовались картиною, которую конечно никакое искусство человеческое создать не въ состояніи. На вопросъ мой кто же потушить это зажатое море? нѣмъ отвѣчали: вѣтеръ, когда сдѣлается поизвѣстѣ! При нашемъ отъѣздѣ вѣтеръ не сдѣлался сильнѣе и не прекратился, совершить намъ обратный путь при самой рѣдкой и оригинальной изъ всевозможныхъ иллюминацій.

Не знаю, надолго ли вода сохранила въ себѣ неприкосновенную эту

чужую силу; что касается до той же силы, заключающейся въ землѣ, то она пошла уже на служеніе промышленнымъ цѣлямъ. Баронъ Торнау первый наложилъ на нее свою руку и поставилъ на бакинскихъ огняхъ какой-то парафиновый заводъ.

Наконецъ мы дѣлали поѣздки по окрестнымъ деревнямъ, замѣчательнымъ въ какомъ либо отношеніи, обозрѣвали нестынные промыслы со всѣмъ ихъ устройствомъ, выдѣлку ковровъ, которою занималось женское населеніе нѣкоторыхъ деревень. Не будучи нисколько специалистомъ въ подобныхъ вещахъ, я смотрѣлъ на все это исключительно со стороны празднаго любопытства; казалось мнѣ впрочемъ, что эти отрасли отличались крайнею неразвитостію, почти дикостію; мнѣ чудилось, быть можетъ и ошибочно, какія бы чудеса здѣсь явились, если бы перенести сюда промышленный духъ англичанъ, напр., ихъ знаніе, ихъ опытность, ихъ страшную паровую силу, двигающую тысячи разнообразнѣйшихъ механическихъ приспособленій. Особенно мое воображеніе разыгралось на эту тему, когда, при видѣ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ за выдѣлкою ковра, я спросилъ:

въ какое время можетъ быть изготовленъ ими дѣльный коверъ, и мы отвѣчали, что на это нужно чуть ли не круглый годъ.

Между тѣмъ время шло и приближалось уже къ половинѣ сентября. Я помню очень хорошо одинъ бурный вечеръ, когда у насъ собралось довольно большое общество. Поленскаго не было. Надо замѣтить, что самая резиденція его была не въ Баку, а въ какомъ-то значительномъ селеніи, называемомъ „Маштаги“ и составлявшемъ центръ всѣхъ другихъ селеній, которыми онъ командовалъ. Большая часть этихъ селеній лежала на берегу самаго моря, такъ что жители ихъ видѣли каждый пароходъ, проходящій мимо ихъ. Въ числѣ этихъ селеній было селеніе Билъги, отстоявшее отъ Баку верстъ въ 30 сухимъ путемъ, тогда какъ путемъ морскимъ, который долженъ дѣлать пароходъ, было верстъ 70 или 80. На этомъ обстоятельстве именно основаны были такіе комбинаціи: начальники этого селенія, когда завидятъ пароходъ, идущій изъ Астрахани, который они обязаны были всемѣрно стеречь, должны были мгновенно дать знать Поленскому, а Поленскій Пигулевскому. Та-

кимъ образомъ нарочные, изъ татаръ, быстрые, какъ вѣтеръ, должны были, пролетѣвъ только 30 верстъ, за нѣсколько часовъ предупредить насъ о прибытіи парохода, которому предстояло проходить Апшеронскій проливъ и дѣлать до 80 верстъ. Когда я, въ этотъ вечеръ, сидѣлъ за картами, сосредоточивая все свое вниманіе не столько на козыряхъ и изиткахъ, сколько на неистовыхъ порывахъ вѣтра, который, казалось, старался сдернуть съ мѣста самый домъ, въ которомъ мы находились, входитъ Пигулевскій съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „Не угодно ли прежде всего заказать ужинъ для встрѣчи, а на завтра обѣдь!“ Надо замѣтить, что эту часть онъ считалъ дѣйствительно важнымъ дѣломъ, полагая, быть можетъ, свое тщеславіе въ томъ, что она у него такъ отлично устроена. Я мгновенно вскочилъ изъ-за стола и выхватилъ у него бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Это было письмо Поленскаго, которое подлинникомъ и теперь лежитъ предъ моими глазами. Поленскій писалъ:

„Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ селенія Вилги, что пароходъ сію ми-

нуту прошелъ мимо по направленію въ Апшеронъ, гдѣ на-вѣрно, при столь сильномъ вѣтрѣ, будетъ стоять на якорѣ и не рѣшится идти въ море. Вчера я отправилъ туда нарочнаго, а потому надѣюсь, что къ разсвѣту вы получите извѣстіе настоящее изъ Апшерона о прибытіи семейства Василія Антоновича. Кромѣ того я вновь пошлю туда нарочнаго. 14 сентября 1857. Четверть шестаго по полудни.“

Письмо это надѣлило меня какимъ-то двойственнымъ чувствомъ: радость ровно на половину смѣшалась съ тревогою. Фразы: „при столь сильномъ вѣтрѣ не рѣшится идти въ море... будетъ стоять на якорѣ...“ какихъ-то жгучимъ образомъ засѣли въ душѣ и не давали рѣшительно мѣста никакимъ другимъ мыслямъ. Неопытный въ морскихъ плаваніяхъ, я изъ этихъ фразъ заключалъ, что теперь, въ сію минуту, на морѣ дѣйствительно есть опасность, что опасность эта виситъ надъ головой моего семейства и что всѣ успокоительныя фразы Пигулевскаго, Фрейганга и др. чистый вздоръ. Гораздо сильнѣе этихъ фразъ говорилъ мнѣ истину потопленный шумъ моря, доходившій въ наши комнаты, и такіе порывы вѣтра, что часто всѣ

присутствующие значительно переглядывались. Само собою разумеется, что все эти ощущенія возникали, боролись, смѣнялись одни другими—внутри меня; для общества я сохранилъ полный покой, спокойствіе, козырялъ, какъ ни въ чемъ не бывало и съ наружнымъ равнодушіемъ слушалъ споры и сужденія о томъ, придетъ ли пароходъ сегодня или будетъ вынужденъ бурною погодою остановиться на ночь въ Аншеронъ? Последнее предположеніе взяло верхъ, и самъ Пягулевскій, тонкій и смѣтливый, какъ ни сознавалъ, что все эти пренія представляютъ для меня мало утѣшительнаго, долженъ былъ заключить ихъ фразою: „Да! сегодня ждать нечего; завтра, рано утромъ мы встрѣтимъ нашихъ дорогихъ гостей!“ После ужина все мы разошлись, и я могу сказать, что во всю мою жизнь не помню такой мучительной ночи, какую мнѣ суждено было провести теперь. И истинно радъ былъ, когда эта отвратительная ночь стала уступать дневному свѣту. Совершенно разстроенный, я поднялся чрезвычайно рано и, на-скоро одѣвшись, тотчасъ вышелъ изъ дома, чтобы подняться на известную террасу и взглянуть на

море. Входя на террасу, я нашелъ уже тамъ добраго Пигулевскаго, который встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ ясно замѣчалось собственное его безпокойство: „Нѣтъ! Что-то не видать. Вѣрно, держатся на якорѣ. Ужъ вѣтеръ очень силенъ. Это хорошо, что они выжидаютъ. Безопаснѣе!“

День былъ чрезвычайно сумрачный. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что трудно было на ногахъ держаться. На морѣ взглянуть страшно было. Волны ходили черными горами. Островъ, видимый съ берега, весь былъ въ пѣнѣ. Мучительно было подумать, что все дорогое въ жизни въ эту минуту въ когтяхъ этой коварной стихіи. Другаго, однако, ничего не оставалось дѣлать, какъ ждать съ покорностію Провидѣнію, что будетъ дальше. Съ ранняго утра начали собираться обыкновенные наши собесѣдники съ физіономіями, далеко не такъ оживленными, какъ въ обычное время...

Я чувствую, что тотъ, кто будетъ читать эти строки, съ улыбкою, если не презрѣніемъ, то недоумѣніемъ, можетъ спросить: „Изъ чего такъ страдаетъ этотъ господинъ? Что такого необычайнаго случилось? Что волны то хо-

дять, да вѣтеръ крѣпко дуетъ — велика важность! Есть о чемъ расплываться на нѣсколько страницъхъ.“ — Совершенно справедливо, отвѣчаю я. Если напр. умеръ вашъ отецъ, убить на войнѣ вашъ сынъ, я тоже могу сказать, чтожъ тутъ необычайнаго? Развѣ другіе не теряютъ отцовъ, дѣтей? Мнѣ кажется, вы тоже должны отвѣчать: „совершенно справедливо!“ Сущности вся въ томъ, что совершенно одинаковыя событія производятъ на насъ различныя впечатлѣнія, по различію нашихъ къ нимъ отношеній. Когда вы услышите напр. что у кого-нибудь, даже изъ близкихъ вашихъ знакомыхъ, умеръ, отецъ, братъ, скончалась супруга, дочь, сестра — это будетъ много съ вашей стороны, если вы скажите: „ахъ, какъ жаль!“ и потомъ преспокойно отправитесь по своимъ дѣламъ, а смотря по сезону даже въ оперу или „на минералки.“ Тоже самое сдѣлаютъ и наши знакомые, въ случаѣ кончины нашихъ семейныхъ, и во всемъ этомъ конечно нѣтъ ничего удивительнаго: такъ устроено все человѣчество! Совсѣмъ иное дѣло, когда мы сами теряемъ, и даже не теряемъ, но только видимъ опасность потерять нашихъ кровныхъ,

близкихъ нашему сердцу, все, что есть для насъ наидрагоцѣннѣе въ жизни, тогда, о! тогда совсѣмъ другое дѣло. Туманъ, окутывающій нашу душу, не даетъ ничего ни видѣть, ни слышать вѣкъ той черной пропасти, въ которую низверглось или только грозитъ низвергнуться все то, чѣмъ мила ваша жизнь. Вы все забыли и не можете оторвать на минуту мысленныхъ взоровъ вашихъ отъ этой пропасти. Не только опера, „минерашки“ забыты вами, самое солнце какъ будто темнѣетъ передъ вами, и вы постоянно находитесь среди какой-то томительной тьмы. Что тутъ имѣть преувеличенія, позвольте вамъ напомнить случаи, когда подобныя утраты вели къ сумашествію или самоубійству. А такъ какъ въ настоящую минуту рѣчь идетъ именно о моей семьѣ, о моихъ дѣтахъ, то я надеюсь, что вы не осудите меня, если я буду продолжать мой рассказъ такъ именно, какъ истина и сердце будутъ мнѣ его диктовать...

Когда, повторю, обычные наши посѣтители, подъ видомъ участія въ радостной встрѣчѣ, собрались утромъ 15 сентября,—встрѣчать было некого, и потому состояніе всѣхъ было са-

мое напряженное. Тотъ фактъ, что пароходъ долженъ былъ уже придти, но не пришелъ — былъ псенъ какъ день, и хотя не былъ никѣмъ высказываемъ ясно и положительно, тѣмъ не менѣе висѣлъ надъ всѣми сто-пудовой гирей. Сграшно-бурное море, на которое всѣ непрерывно бѣгали смотрѣть, столь же страшные порывы вѣтра обставляли этотъ фактъ самыми отвратительными соображеніями, которыя видимо блуждали на лицѣ у всѣхъ. Молчаніе, которое обхватило все наше общество, обыкновенно говорливое и шумливое, было выразительно въ самой непріятнѣйшей степени. Одинъ только добрый Фрейгангъ старался храбриться изо псей мочи и блисталъ передъ нами познаніями и опытностію въ дѣлѣ морскихъ путешествій. Онъ утверждалъ, что все это вздоръ, что такія ли бури бываютъ на морѣ, и при этомъ начиналъ рассказывать, какія тамъ бываютъ страшныя бури. Онъ утверждалъ, что капитанъ, который управляетъ (по его соображеніямъ) ожидаемымъ пароходомъ, отличный знатокъ дѣла, изучилъ Каспійское море, какъ свои пять пальцевъ и что съ нимъ ничего дурнаго случиться не можетъ. Раз-

сказы его, надо сказать, производили мало практическаго дѣйствія, особенно на меня, и именно потому, что въ то же время гораздо внушительнѣе разъясняли существо дѣла и раскаты разъяренныхъ волей, шумъ которыхъ врывался въ наши комнаты, и свирѣпый свистъ вѣтра.

Между тѣмъ приближалось время завтрака, за который мы и усѣлись, сохраняя все то же напряженное состояніе, хотя каждый старался изо всѣхъ силъ разрушить его. Пигулевскій по временамъ сыпалъ своими разсказами, подмѣшивая въ нихъ, какъ и всегда, значительную долю милаго малороссійскаго юмору; Фрейгангъ повѣствовалъ о моряхъ и буряхъ; Потѣхинъ развивалъ высшіе взгляды на политическую экономію и на варварство крѣпостнаго состоянія; я въ особенности старался, при малѣйшемъ перерывѣ разговора, связывать его и оживлять; но, повторяю, все это шло такъ слабо и вяло, что было нисколько не лучше нашего общаго и глубокаго молчанія.

Въ самомъ началѣ нашего завтрака Пигулевскому доложили, что прискакалъ нарочный шотъ Поленскаго.

Всѣ вздрогнули. Пигулевскій тотчасъ всталъ изъ-за стола и пошелъ въ свою контору или канцелярію, расположенную въ смежныхъ комнатахъ. Воцарилось общее молчаніе и ожиданіе, которое продолжалось довольно долго. Самое замедленіе возвращенія Пигулевскаго казалось умышленнымъ и многозначительнымъ. Наконецъ онъ появился съ письмомъ въ рукахъ и какъ-то неестественно улыбаясь произнесъ: „Случилась маленькая остановка!“ И тотчасъ взявъ изъ рукъ Пигулевскаго письмо Поленскаго и прочиталъ слѣдующее:

„Сейчасъ получилъ рапортъ отъ старшины деревни Касево (кажется такъ; трудно разобрать, потому что Поленскій видимо писалъ кое-какъ, на скорую руку), что пароходъ получилъ поврежденіе близъ деревни. Не знаю, сколь вѣроятно это донесеніе; но во всякомъ случаѣ нужнымъ счелъ васъ объ этомъ увѣдомить, а съ симъ вмѣстѣ сажусь на коня и ѣду туда. 15 сентября 1837. Маштаги. 10 часовъ утра.“

Письмо это, въ которомъ слова только начинались, но не оканчивались и потому представляли значительное затрудненіе, чтобы разобрать и понять ихъ, свидѣтельствовало са-

мою ирружностью своею, во-первыхъ, что Поленскій значительно перетрусился, а во-вторыхъ, что страшно спѣшилъ. Когда было разобрано и прочитано письмо, воцарилось молчаніе, исполненное очевиднаго смущенія. Фрейгангъ началъ было рассказывать, что поврежденіе парохода вздоръ, и пояснять, какія иногда бывають поврежденія; но я не сталъ его слушать и тотчасъ потребовалъ тройку лошадей, чтобы летѣть туда, гдѣ случилось поврежденіе, а Фрейганга просилъ дать мнѣ унтеръ-офицера, матроса или вообще спеціального чело-вѣка, который, въ случаѣ надобности, могъ бы распорядиться помощію. Требования эти были высказаны такъ рѣшительно и настойчиво, что оставалось только немедленно исполнять ихъ. Пигулевскій заявилъ только, что онъ ни за что въ мірѣ не отпуститъ меня одного, а поѣдетъ вмѣстѣ со мною, на что конечно я съ радостію согласился, видя въ немъ истинную привязанность ко мнѣ и значительное вліяніе на народъ, столь необходимое въ подобныхъ случаяхъ. Явилась тройка, и мы съ Пигулевскимъ успѣли въ тарантасъ, а на козлахъ съ кучеромъ помѣстился какой-то мо-

рякъ, снабженный „фильшвейерами“ и другими снастями, а главное какими-то специальными наставлениями добрейшаго Фрейганга. Мы быстро понеслись.

Я тотчасъ погрузился въ пропасть самыхъ безотрадныхъ размышлений, среди которыхъ могъ замѣтить и разобрать только то, что, по словамъ Пигулевскаго, прежде нежели мы приѣдемъ на мѣсто, мы встрѣтимъ на дорогѣ нарочныхъ, къ намъ вновь посланныхъ Поленскимъ. И дѣйствительно, глубокое безмолвіе, въ которомъ мы продолжали нашъ путь, прервано было возгласомъ вашего пмщика, который болѣе или менѣе понималъ уже въ чемъ дѣло: „Вонъ скачутъ!“ Вздвинувъ въ дилъ, мы дѣйствительно замѣтили двухъ всадниковъ, несшихся на встрѣчу намъ во весь опоръ. Пигулевскій сказалъ: „Это нарочные!“ У меня сердце замерло. Что-то скажутъ они? спрашивала душа. Когда нашъ тарантасъ и всадники встрѣтились — все остановилось. Одинъ изъ нарочныхъ, приблизясь къ моей сторонѣ, протягивалъ какой-то пакетъ. Я мгновенно схватилъ его, сорвалъ печать, развернулъ бумагу, и первыя слова, на которыя упали

глаза моя, были: „Проходи разбился... погибшие...“

Какъ будто ослѣпленный чѣмъ-нибудь, я закрылъ глаза, выронилъ бумагу и впалъ въ какое-то непонятное и потому неизъяснимое состояніе. Тутъ не было ни ужаса, ни отчаянія, ничего опредѣленнаго. Былъ какой-то туманъ, изъ котораго я не могъ освободиться. Самое отчетливое представленіе было то, что я какъ будто видѣлъ трупы моей жены, моихъ дѣтей, перебрасываемые въ сію минуту громадными волнами; потомъ представилось, какъ въ роковую минуту, они звали меня на помощь.... Но ни слезъ, ни жести—ничего не было; я просто оставался истуканомъ съ закрытыми рукою глазами. Пигулевскій изрѣдка и тихо бормоталъ: „Успокойтесь, успокойтесь!“—Прикажете ѣхать дальше!“ нетерпѣливо сказалъ я, и мы снова быстро понеслись. Въ продолженіи дороги Пигулевскій пытался возобновлять свои утѣшенія, на которыя я спокойно отвѣчалъ: „Вы видите, что я покоряюсь судьбѣ и право ничего особеннаго не чувствую, кромѣ какого-то страннаго тумана.“ Надо замѣтить вообще, что моя натура не изъ тѣхъ, которыя вдругъ, съ-разу, поражаются

какимъ нибудь сильнымъ впечатлѣніемъ; надобно, чтобъ это впечатлѣніе вошло прежде въ плоть и кровь мою; тогда оно сторицею начинается производить свое раздѣлающее вліяніе и долго остается во всемъ моемъ существѣ. Поэтому я никакъ не способенъ внезапно умереть ни отъ горя, ни отъ радости, ни отъ ужаса; все это никакъ не воспринимается мною вдругъ, а входитъ какъ-то долями, постепенно и осаждается тамъ упорно. Отъ этого происходитъ, что когда у другихъ какая нибудь печаль, живо воспринятая, начинается ужасъ съ теченіемъ времени, ослабѣвать, проходить, у меня она только отъ времени воспринимаетъ свою раздѣлающую силу. Такъ, напримѣръ, я постоянно замѣчалъ, что друзья и родственники, оставивъ кого нибудь изъ своихъ ближнихъ на кладбищѣ, возвращаются уже домой болѣе спокойными, какъ будто съ окончаніемъ религиозныхъ обрядовъ сознаніе и сила утраты тоже должны, если не совсѣмъ исчезнуть, то на половину уменьшиться. Для меня, напротивъ, въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ момента ужаса, какъ именно возвращеніе съ кладбища, когда всѣ возвращаются, а одинъ уже

не возвращается и когда исчезновение этого одного дѣлается яснымъ въ ужасающей степени. Такъ точно и теперь, въ эту минуту я только предчувствовалъ то, что буду потомъ чувствовать; но никакихъ положительныхъ мученій рѣшительно не испытывалъ и даже не плакалъ и, сколько могу припомнить, вовсе не потому, чтобы внутренняя скорбь достигла той ужасающей степени, когда уже не плачуть, а просто потому, что событія подавили мой умъ какимъ-то внѣшнимъ образомъ, сверху, а не вошли въ меня и не проникли всего моего существа. Пигулевскій смотрѣлъ на все это однако не такъ: глядя на мои неподвижно устремленные въ одну точку глаза, онъ былъ убѣжденъ, какъ потомъ говорилъ мнѣ, что я или уже сошелъ съ ума или сталъ на дорогу къ сумашествію.

Первые нарочные встрѣтили насъ такою вѣстью: верстахъ въ 10-ти отъ Баку, и потомъ я ѣхалъ еще верстъ 10 съ душой, наполненной впечатлѣніями, которыми надѣлила меня эта вѣсть. Надъ всеми этими впечатлѣніями господствовало ужасающее ожиданіе увидѣть, обезображенные трупы моей жены, моихъ дѣтей, обставлен-

ные грубыми и грязными татарами. Но милосердному Богу угодно было отвести от меня зрѣлище, котораго я ожидалъ. Почти безсознательное состояніе, въ которомъ я двигался впередъ, нарушено было новымъ возгласомъ нашего ямщика: „Вонъ еще скачутъ!“ Почему нарочные посылались и скакали какъ въ тотъ, такъ и въ этотъ разъ, не въ единственномъ числѣ—этого я объяснить не умѣю. Ничего, конечно, радостнаго отъ этихъ новыхъ нарочныхъ я уже ожидать не могъ; они могли принести только страшныя подробности страшнаго бѣдствія. Пигулевскій несомнѣнно былъ того же мнѣнія, и потому, когда съ приближеніемъ нарочныхъ, я хотѣлъ, первый, взять пакетъ, который они везли, Пигулевскій выразилъ что-то въ родѣ протеста, который, конечно, не имѣлъ никакой силы. Я взялъ пакетъ, сорвалъ печать, и жадно впился глазами въ бумагу. Послѣ словъ: „пароходъ разбился въ дребезги...“ слѣдовали слова: „въ счастію величайшему, семейства Василья Антоновича не было на пароходѣ...“ Какая-то сила вытолкнула меня изъ тарантаса; я бросясь на колѣни и горячо благодарилъ Бога. Поднявшись съ земли, я

бросился цѣловать, прежде всего, моихъ благовѣстителей, присланныхъ нарочными татаръ, не смотря на то, что лица ихъ, едва-ли когда нибудь вымываемыя, покрыты были толстымъ слоемъ смѣси изъ пота и пыли, и роздалъ имъ всѣ деньги, какія находились въ моихъ карманахъ. Потомъ крѣпко прижалъ къ груди Пигулевскаго, на глазахъ котораго видны были слезы участія.

Когда водворилось нѣкоторое спокойствіе, такъ сильно взволнованное этою моральною бурей, мы принялись разбирать дѣло и перечитывать доставленные намъ бумаги. Оказалось, что первая бумага, которую я вырвалъ изъ рукъ передовыхъ нарочныхъ, вовсе не была адресована къ намъ и составляла рапортъ начальника съёмки Каспійскаго моря (въ тоже время и начальника парохода) Иващенко командующему Бакинскою станціею т. е. нашему милому Фрейгангу. Иващенко въ писаль: „Сего 14 сентября, слѣдуя изъ Астрахани въ Баку, чрезъ Апшеронскій проливъ, пароходъ Куба въ 10 $\frac{1}{2}$ час. вечера, разбился. Число погибшихъ еще съ точностію неизвѣстно; спаслось около 50 человекъ. Подробности буду имѣть честь сооб-

щить впоследствии при личном свидании. Докладывая о семъ вашему высокоблагородію, имѣю честь просить о содѣйствіи и помощи какъ спасеннымъ чинамъ, такъ и спасенію того, что можно будетъ съ парохода, который совершенно разбитъ и затонулъ въ каменьяхъ, немного ниже Шаулана. 15 сентября 4 часа утра. Эта именно ужасная бумага, въ которой я прежде всего замѣтилъ слова: „разбился, погибшіе“, заставила меня въ теченіи по крайней мѣрѣ часа, на разстояніи десяти или пятнадцати верстъ, нести въ душѣ тѣ невыразимыя впечатлѣнія, о которыхъ я выше говорилъ. Последняя бумага Полесскаго была слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ прибылъ въ Швеляны (или Шауланъ, какъ въ донесеніи Иваненцова) гдѣ нашелъ капитана, разбитаго въ дребезги парохода Куба. Къ счастью величайшему, семейства В. А. не было на этомъ пароходѣ, а то бы случилось оныя жертвою волнъ морскихъ. Оно будетъ съ слѣдующимъ пароходомъ: Ленкорань. О подробностяхъ крушенія вы узнаете изъ рѣпорта, посланнаго капитаномъ парохода къ г. Фрейгангу. Пароходъ Ленкорань выйдетъ выйти изъ Астрахани

15 числа т. е. сегодня. Швелины. 13 сентября, 12 часовъ ровно⁴.

Разсматривая и соображая эти бумаги, я вдругъ пораженъ былъ мыслию: что если умный, добрый, ловкій Поленскій сочинилъ всю эту исторію объ отсутствіи моего семейства въ часъ гибели, желая этою выдуманною исторіею отдалить и ослабить страшный перлый ударъ, сужденный мнѣ Провидѣніемъ? Откуда и какъ ояъ знаетъ, что мое семейство въ Астрахани? Можно ли допустить, что пароходъ Губа отправился оттуда, не взявъ моего семейства, если оно действительно тамъ. Съ другой стороны можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы астраханскія власти пренебрегли собственнымъ пожеланіемъ князя обезпечить и ускорить всевозможно переѣздъ моего семейства изъ Астрахани въ Баку и пустили оттуда пароходъ, а мое семейство оставили въ Астрахани? Все это казалось мнѣ, если не положительно невѣроятнымъ, то въ высшей степени сомнительнымъ и начало снова наполнять мою душу тревожными ощущеніями. Пягулевскій употребилъ всѣ усилія, чтобы разсѣять и уничтожить мои опасенія и изъ всевозможныхъ доводовъ, энергически

приводимыхъ имъ, особенно упорно стоялъ на томъ, что Поленскій никакъ не рѣшится написать неправду. Но такъ какъ мы были уже не далеко отъ мѣста происшествія, то и заключили наши споры рѣшеніемъ ѣхать далѣе, тѣмъ болѣе, что и со стороны Пигулевскаго, какъ главнаго начальника уѣзда, должны были быть приняты разныя, такъ называемыя, „соотвѣтственныя обстоятельства“ мѣры,

Когда мы прибыли къ Шведянамъ, наступилъ уже вечеръ. Издали еще мы замѣтили, позади какого-то значительнаго зданія, оказавшагося лучшимъ домомъ этого селенія, принадлежащимъ зажиточнѣйшему изъ обывателей, нѣсколько странныхъ по одѣянью фигуръ: это были спасшіеся съ погнѣшаго парохода морскіе офицеры. Намъ указали старшаго, на которомъ была надѣта татарская шапка. Это и былъ Ивашенцовъ. Личность эта съ разу поражала замѣчательнымъ умомъ и проникновеніемъ твердаго и рѣшительнаго характера, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ морякамъ. Но какъ Ивашенцовъ слишкомъ извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ, то и распространяться о немъ и считаю излишнимъ.

Достаточно сказать, что онъ былъ, какъ и изъ вышеприведеннаго рапорта его видно, начальникомъ съемки Каспійскаго моря и, сколько извѣстно, въ этомъ отношеніи оказалъ драгоцѣнныя заслуги. Именно для производства работъ по этому дѣлу пароходъ Куба и отданъ былъ въ его распоряженіе. Впрочемъ онъ не былъ, какъ Поленскій называетъ его въ своемъ письмѣ, капитаномъ этого парохода. Капитаномъ былъ другой, великолѣпнѣйшихъ качествъ, какъ всѣ утверждали, офицеръ Поспѣхинъ, къ общему сожалѣнію погибшій при этой катастрофѣ, свято исполняя свой капитанскій долгъ и оставаясь послѣднимъ на кожухѣ парохода, откуда, по словамъ однихъ, былъ снесенъ волнами, а по словамъ другихъ сбитъ какою-то шлюпкою. Съ нимъ вмѣстѣ, какъ потомъ оказалось, море поглотило хранившееся у него письмо жены моей о причинахъ ея остановки въ Астрахани. Весь экипажъ, суда по оставшимся офицерамъ, составленъ былъ превосходно: это была наиболѣе просвѣщенная молодежь нашего флота, жаждавшая не одного вишняго блеска, столь увлекательнаго для всякой молодежи, но истиннаго дѣла, истинной

пользы той отрасли морской службы, которой себя посвятила. Частію тутъ же, а частію потомъ, во время пребыванія въ Баку, я сошелся со всеми этими господами на самую короткую ногу, и воспоминаніе о моихъ кратковременныхъ сношеніяхъ съ ними принадлежать къ числу воспоминаній самыхъ пріятнѣйшихъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія гибели парохода Куба подробно разслѣдована и какъ говорится „выведена на чистую воду“ знатоками дѣла. Я не помню, какъ она изложена официально; не помню даже, читалъ ли я гдѣ нибудь официальное ея изложеніе; но хорошо помню изустные рассказы самихъ офицеровъ, сюда относящіеся, и считаю не совсѣмъ излишнимъ привести здѣсь главнѣйшія черты.

Приближаясь къ Апшеронскому проливу, пароходъ шелъ быстро, и всѣ надѣялись въ тотъ же вечеръ, т. е. 14 сентября быть въ Баку. Понятно, что весь экипажъ, занимавшійся постоянно съемкою Каспійскаго моря, достаточно зналъ всѣ условія, сюда относящіеся. Опасности рѣшительно никакой не предвидѣлось. Волненіе было сильное, и вѣтеръ, по выраженію ихъ, былъ „очень свѣжій“; но онъ

дулъ постоянно въ задъ, въ корму, и такъ сказать подгонялъ пароходъ. При наступленіи вечера вдругъ, внезапно и неожиданно, случились два обстоятельства: туманъ обхватилъ все видимое пространство, и вѣтеръ, перемѣнивъ свое направленіе, сталъ дуть не въ задъ, а въ бокъ парохода, къ сторонѣ скалистыхъ береговъ, которыя, по выраженію Ивашенцова, тутъ являлись „зубами акулы“. Плоскодонный пароходъ, не имѣвшій упора въ водѣ, вѣтромъ стало тинуть къ берегу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ случилось крушеніе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ настоящаго берега, изображавшаго „зубы акулы“, находились въ морѣ каменные гряды, выходившія изъ воды, а еще далѣе такія же гряды подводныя. Когда пароходъ силою вѣтра потянуло къ берегу, онъ скоро ударился о камни подводной гряды; но, какъ говорили морики, соскочилъ съ нея; вслѣдъ за тѣмъ его потянуло къ той грядѣ, которая выходила изъ воды; пароходъ, по ихъ словамъ, задрлъ эту гряду, но только „прочерчилъ по ней“, и за тѣмъ вынесенъ былъ на чистое пространство, находившееся уже между пароходомъ и самымъ берегомъ, т. е. „зубами аку-

лы". Здѣсь тотчасъ брошены были два якоря; одинъ скоро оборвало, а съ другимъ пароходъ снова потянуло къ берегу. Гибель была неизбежна; стали рубить мачту, которая и повалилась именно въ тотъ моментъ, когда пароходъ получилъ первый страшный ударъ. Конецъ мачты упалъ на одинъ „изъ зубовъ“ берега, и этотъ неожиданный мостъ служилъ нѣсколько мгновений для перехода отъ смерти къ жизни. По этой-то собственно перекладинѣ счастливѣйшіе успѣли спастись; но она тотчасъ рухнула и прервала остальнымъ единственный путь спасенія. По свидѣтельству спасшихся, изъ всего экипажа спаслось и погибло на половину, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ. Изъ спасшихся почти не было ни одного, который бы не былъ ушибленъ и болѣе или меньше изувѣченъ. Почти всѣ офицеры, при нашемъ прибытіи, собрались около насъ; относительно матросовъ намъ сказали, что они помѣщены въ особомъ строеніи. Мы пошли сморгнуть ихъ.

Зрѣлище было мало утѣшительное. Матросы были помѣщены въ какомъ-то сараѣ и лежали на соломѣ. Еще при входѣ нашемъ насъ встрѣтили раздававшіяся стонація. Спасшіеся

пароходный докторъ, кажется Заремба, потребовать огня, такъ какъ было уже совсѣмъ темно, и вновь сталъ осматривать каждаго матроса. Мы должны были, почти невольно, присутствовать при этомъ осмотрѣ и испытывать чувство состраданія, смѣшанное съ ужасомъ, при видѣ ранъ и увѣчья, которыми эти люди заплатили за свое спасеніе. Отрадно только было видѣть присущее простому русскому человѣку и въ особенности русскому солдату чувство покорности судьбѣ.... Заремба, о которомъ офицеры отзывались какъ о докторѣ, весьма хорошемъ, дѣлалъ все, что можно было для облегченія страданій этихъ людей, употребляя конечно самыя простыя, имѣвшіяся подъ рукой средства, ибо всѣ пароходные медикаменты погибли вмѣстѣ съ пароходомъ, а въ аптекахъ нечего было и думать...

Сдѣлавъ это обзрѣніе, мы должны были принять ужинъ, приготовленный намъ хозяиномъ, въ составъ котораго разумѣется входили неизбежныя пивавъ, ниаплыкъ и т. п., и потомъ легли спать, на походную ногу, условившись на другой день рано утромъ ѣхать на мѣсто крушенія, отстоявшее отъ селенія, въ которомъ мы

находились, верстахъ въ трехъ или четырехъ. Между тѣмъ 'Пягулевскій распорядился, чтобы приготовлены были верховые лошади, тарантасы, телеги и т. п. Дѣйствительно, едва разсвѣло, мы услышали сильный шумъ на дворѣ, гдѣ рубленая татарская рѣчь смѣшивалась съ топотомъ безчисленныхъ лошадиныхъ копытъ. После кратчайшаго завтрака все наше общество разсѣлось, большею частію, на верховыхъ лошедей, а частію въ различные экипажи, и пустились къ мѣсту назначенія, въ сопровожденіи огромной толпы провожатыхъ и конвойныхъ. Вѣсьма скоро прибыли мы къ берегамъ моря, стоящимъ скалистыми утесами надъ водою.

По свидѣтельству спасшихся моряковъ, буря, которая погубила ихъ пароходъ, уже стихла; тѣмъ не менѣе волненіе было еще такъ сильно, что брызги отъ ударающихся въ каменные берега волнъ обдавали насъ сильнѣйшимъ образомъ, хотя мы находились, по крайней мѣрѣ, на 10 сажень высоты надъ моремъ. При видѣ прибоя и 'отлива волнъ, ясно было, что ничто не могло сопротивляться имъ: съ такою силою они ударились въ берегъ, взбѣгали на скалы и по-

томъ устремлялись драздъ. Первое, что представилось нашимъ взорамъ, былъ островъ парохода, перегнутый на зубьяхъ скалистого берега, далеко внизу отъ оконечной высоты его, на которой мы находились; здѣсь держалось только то, что состояло изъ желѣза; всѣ другія части оторваны, смыты, разнесены. Черезъ этотъ страшный островъ, недавно живой и сильный, ходили буруны; говорили тутъ и потомъ въ Баку, что въ застояхъ этого острова запуталось какимъ-то образомъ тѣло молодого капитана, которое хотя можно было видѣть, но достать чрезвычайно трудно. Когда мы пошли далѣе по берегу, то видѣли, что всѣ углубленія его набиты были остатками различныхъ пароходныхъ принадлежностей, по крайней мѣрѣ на пространствѣ пятиверстъ. Потомъ берегъ теряетъ свой скалистый характеръ и дѣлается отлогимъ и ровнымъ. Слѣдуя этою частью берега, мы видѣли много труповъ, выкинутыхъ уже моремъ. Сопровождавшіе насъ офицеры узнавали знакомыя лица и поминали каждого соотвѣтственнымъ дѣломъ его словомъ.

Ивашенцовъ рѣшительно приницалъ всю отвѣтственность въ дѣлѣ круше-

нія парохода на себя, уже потому собственно, какъ онъ выражался, что капитанъ погибъ и не могъ защищаться. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не сокрушался; онъ сожалѣлъ болѣе всего о томъ, что плоды многолѣтнихъ его трудовъ, бумаги и карты, относящіяся къ изслѣдованію и съемкѣ Каспійскаго моря, погибли вмѣстѣ съ пароходомъ. Послѣдствія показали однакожь, что никакой отвѣтственности на него не легло; напротивъ, онъ снова былъ назначенъ начальникомъ и руководителемъ этого пажнаго дѣла.

Когда мы съ Пигулевскимъ возвратились въ Баку, онъ нашелъ тамъ еще письмо слѣдующаго содержанія: „Штурманъ парохода Куба, слѣдовавшаго изъ Астрахани въ Баку, прибывъ ко мнѣ сегодня, въ 12 часовъ пополудни, объявилъ, что послѣ сильнѣйшихъ волненій и шторма, пароходъ Куба вчера вечеромъ, близъ Шаведаны совершенно потерялъ крушеніе: изъ экипажа погибло 4 офицера, въ томъ числѣ и командиръ парохода, до 20 или 25 человекъ нижнихъ чиновъ и совершенно все имущество, какъ казенное, такъ и частное. Первый вопросъ мой былъ о

пассажирахъ а въ особенности о семействѣ г. Инсарскаго. „Да“ отвѣчалъ г. штурманъ, Господь Богъ помиловалъ. Супругъ весьма желательно было при-
быть на пароходѣ Куба въ Баку, зная, что и супругъ ихъ въ Баку. Смерть была бы неизбежная! Разговоръ продолжался недолго, потому что г. штурманъ торопился на „Шаховую косу“ къ флотскимъ офицерамъ за палатками, чтобы какъ нибудь укрыть отъ дождей и вѣтровъ спасшихся отъ гибели. Итакъ къ успокоенію сердца г. Инсарскаго, доложите, что семейство ихъ здравствуетъ, и пароходъ „Денкоранъ“, по словамъ г. штурмана, долженъ отправиться изъ Астрахани сегодня. Дня четыре тому назадъ, прибыло изъ Астрахани судно, и на вопросъ мой судовщикъ отозвался, что пароходъ „Денкоранъ“ близъ Вирючей косы, по случаю мелководья, сталъ на мель, но что далѣе, неизвѣстно. Тамъ совершенно безопасно, потому что не въ морѣ. 15 Сентября 1857. Апшеронъ.“ Это писалъ какой-то начальникъ чего-то на Апшеронѣ: „Шустровъ“ или что-то въ этомъ родѣ, потому что настоящей фамиліи я не могу разобрать, хотя подлинное письмо его у меня и теперь передъ глазами.

Первое время по возвращеніи нашемъ въ Баку посвящено было торжественнымъ погребеніямъ погибшихъ морскихъ офицеровъ, которыхъ, одного за другимъ, это море выкидывало на берега свои и которыхъ постепенно доставляли въ Баку для погребенія. Позже всѣхъ доставленъ былъ молодой капитанъ парохода, именно потому, что онъ, какъ я упоминалъ уже, задутался въ снастяхъ парохода, откуда достать его было чрезвычайно затруднительно. При погребеніи этихъ молодыхъ людей я молился усердно. Смотря на ихъ синія лица, представляя положеніе ихъ далекихъ отцовъ, матерей, быть можетъ женъ и дѣтей, я плакалъ, какъ братъ ихъ родной. Я усердно просилъ Бога вознаградить ихъ въ будущей жизни и послать имъ тамъ радости, которыя сохранены мнѣ на землѣ.... Такимъ образомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней улицы и храмы Баку наполнялись постоянно погребальными звуками, такъ какъ въ томъ краю не только военныхъ, но и простыхъ гражданъ всегда хоронятъ съ музыкою.

Если съ одной стороны отвращеніе отъ меня смертельной опасности наполнило мою душу благодарностью

жъ Богу, то съ другой тревога эта значительно потрясла мое нравственное существо. Нервное разстройство достигло во мнѣ такой сильной степени, въ какой вѣроятно не испытывала его ни одна слабая женщина. Тысячи мрачныхъ мыслей снова стали осаждать меня. „Крушеніе парохода, стало быть, вещь возможная!“ думалъ я. „Если погибъ лучший изъ пароходовъ, управляемый самыми лучшими моряками, специально изучившими море, то что удивительнаго, что гнилой „Ленкорань“, о которомъ все говорили, какъ о мерзѣйшемъ пароходикѣ, подъ командою какого-нибудь „испивающаго“ офицера, потерпитъ ту же участь. Это мрачное настроеніе до прежнему сильно поддерживалось постоянно-бурными волненіями моря и тѣми ужасными порывами свистащаго вѣтра, которыхъ я никогда не забуду. Отъ этого происходило то, что въ теченіи дня, окруженный обществомъ, которое значительно усилилось спасшимися офицерами, я держался довольно бодро; когда же наступала ночь и я оставался одинъ съ своими мрачными мыслями, — мнѣ снова слышались стоны моихъ погибающихъ и затливаемыхъ волна-

ми дѣтей. Когда по общимъ разсчетахъ приближалось время прибытія Ленкорани, время это не столько радовало, сколько пугало меня. Я ожидалъ, что оно принесетъ мнѣ страшную развязку моихъ сомнѣній.

Безъ преувеличенія можно сказать, что прибытіе этого парохода сдѣлалось живымъ вопросомъ для всего города. Едва ли былъ домъ, въ которомъ бы не толковали о крушеніи парохода, о моемъ непостижимомъ счастьѣ, о моихъ ожиданіяхъ. Нечего и говорить, что на извѣстной террасѣ при домѣ Пигулевскаго съ утра до вечера торчалъ разнокалиберный народъ, высматривающій въ морѣ ожидаемый пароходъ. Принести первому вѣсть о появленіи этого парохода казалось оказать государству величайшую услугу. Всѣ зрительные инструменты, какіе нашлись въ городѣ, сосредоточивались на этой террасѣ. Я помню живо, что среди тревогъ, меня осаждающихъ, я часто хохоталъ при видѣ, какъ какой-нибудь татаринъ, въ первый разъ взявшійся за подобный инструментъ, рѣшительно ничего не видя, увѣрялъ, что видитъ идущій пароходъ. Не только эти дикари, но часто и люди весьма

разряда впадали въ большое заблужденіе и утверждали, что пароходъ идетъ, тогда какъ оказывалось, что мы принимали за пароходъ какую-нибудь тряпку на стоящемъ въ морѣ маленькомъ и незамѣтномъ суднѣ.

Но всему бываетъ конецъ, тотъ или другой. Такъ точно былъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ; такъ точно долженъ быть конецъ моему многостолію, разлившемуся на этомъ пунктѣ. Однажды вечеромъ, дней черезъ пятнадцать послѣ катастрофы, многочисленное общество, постоянно окружавшее меня, по обычаю собралось къ намъ. Было часовъ 11 вечера. Почти всѣ играли въ карты. Ожиданіи парохода какъ-то утомили всѣхъ, и объ немъ мало стали уже говорить, какъ будто состоялось общее рѣшеніе: предать все это дѣло волю Божіей. Ночь была чрезвычайно темная. Общее вниманіе сосредоточивалось на интересахъ игры, среди которой раздавались звуки ножей, вилокъ и тарелокъ, располагаемыхъ на особомъ столѣ извѣстныхъ „агою“ для ужина. Совершенно незамѣтно является на порогъ занимаемой нами комнаты мой камердинеръ Игнатій и, не обращаясь ни къ кому въ частности, спраши-

ваетъ: „Позвольте спросить, когда пароходъ идетъ ночью, бываютъ на немъ огни?“ Мгновенно все обратилось къ нему съ вопрошающими взорами. Многие голоса провозгласили какъ-то странно: „бываютъ, бываютъ; что такое?“ Довольный и улыбающийся Игнатій сказалъ: „пожалуйста, огонь виднѣтъ!“ Мигомъ все вскочило съ своихъ мѣстъ и бросилось на террасу. Я конечно былъ одинъ изъ первыхъ. Но увы! столько разъ обманутый, я и тутъ рѣшительно ничего не видѣлъ, какими трубами ни вооружался. Но Игнатій упорно стоялъ на своемъ, что видѣлъ огонь. Среди возраженій, которыя посыпались на него со всѣхъ сторонъ, что никакого огня нѣтъ, что ему это почудилось, возраженій, начинавшихъ уже смущать его, чей-то голосъ вдругъ вскричалъ: „вонъ, вонъ, сейчасъ мелькнулъ!“ — „Гдѣ, гдѣ?“ раздавалось со всѣхъ сторонъ. Но огонь опять пропалъ, и ничего рѣшительно не было видно. Потомъ опять кто то вскрикнетъ: „вижу, вижу!“ Толпа бросится туда, но видѣвшій опять уже ничего не увидитъ. Пройдетъ нѣсколько мгновеній тишины и усиленнаго смотрѣнія; и опять каждаго нибудь неистовый

возгласъ: „огонь, огонь!“ Какъ мнѣ ни объясняли видѣвшіе это благодатное знаменіе, куда и какъ надобно смотрѣть, чтобы замѣтить его, я рѣшительно ничего не видѣлъ, хотя и напрягалъ всѣ свои усилія. Большая часть смотрящихъ также ничего не видѣла; но возгласы: „вижу“ или „вонъ, вонъ!“ стали повторяться чаще. Наконецъ и Фрейгангъ, постоянно и молчаливо смотрѣвшій въ длинную трубу, сказалъ: „идеть!“ Это лаконоическое: „идеть“ привело меня въ истинный восторгъ. Я съ новыми усиліями сталъ смотрѣть въ море, и наконецъ мнѣ самому удалось подмѣтить въ чрезвычайномъ отдаленіи огненную точку, которая то мелькнетъ, то пропадетъ. Все оживилось. Фрейгангъ, сказавъ: „черезъ полтора часа придетъ!“, отправился дѣлать распоряженія для торжественной встрѣчи парохода. Игнатій торжествовалъ, какъ какой-нибудь герой. Я обнялъ и разцѣловалъ его. И дѣйствительно, не постыжимо, какъ онъ умудрился на такомъ разстояніи замѣтить свѣтлую точку, которая потомъ ускользала отъ сосредоточенныхъ глазъ всего нашего общества. Потомъ, я не могъ не оцѣнить въ немъ той предан-

ности, съ которою онъ, одинъ, среди ночи, торчалъ на террасъ, когда никто его къ тому не приглашалъ и когда не было рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы его полуночное и одиночное ожиданіе увѣнчалось успѣхомъ. Пигулевскій, со своею манією хлѣбосолюства, немедленно атаковалъ меня вопросомъ: „какой ужинъ прикажите приготовить?“ „Бога ради распорядитесь сами, любезнѣйшій Левъ Викторовичъ!“ отвѣчалъ я, впи- вался глазами въ свѣтлую точку, среди моря, которая дѣлалась все видимѣе на темномъ фонѣ ночи. Набережная начала наполняться толпами народа. На террасу стали прибывать наши знакомые съ женами и даже дѣтьми. Все приняло видъ какого-то праздника. Я сидѣлъ съ трубою передъ глазами и мысленно возсылалъ Творцу теплыя благодарныя молитвы! Скоро у пристани показались большіе катеры, усаженные матросами и готовые перенести насъ на пароходъ, когда онъ стапелъ на якорь. Вслѣдъ за тѣмъ полетѣли къ небу ракеты, освѣщавшія эффектно море; стали почти непрерывно жечь фальшивейеры, не только на берегу и катерахъ, но и на всѣхъ казенныхъ судахъ, стоя-

щихъ въ гавани. Милый Фрейгангъ очевидно хотѣлъ показать мнѣ и пріязнь свою и свое морское могущество. Картина была въ высшей степени радостная и оживленная. Наконецъ пароходъ съ шумомъ и свистомъ приблизился и сталъ становиться на якорь. Все общество, кругомъ меня собравшееся, разошлось на катеры и отправилось на пароходъ.

Описывать встрѣчу мою съ женою и дѣтьми я не стану; она понятна должна быть каждому порядочному семейству. Дѣти спали уже въ своей кюветѣ; не спать только прелестный нашъ мальчикъ Лидоръ, которому, какъ искупительной жертвѣ за спасеніе другихъ, судьба судила скоро заснуть на вѣки на этомъ чуждомъ берегу далекаго моря....

Этот отрывок изъ Записокъ В. А. Инсарскаго напечатанъ въ 3-ей тетради Русскаго Архива 1868 года съ слѣдующимъ предисловіемъ:

Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1867 года (№ 333, отъ 11 декабря) появилась небольшая замѣтка Н. Д. Дмитриева, конечно обратившая на себя вниманіе того, кто слѣдитъ за успѣхами Русской исторіографіи. Въ замѣткѣ этой говорится о неизданныхъ Запискахъ Василія Антоновича Инсарскаго, и сказано между прочимъ слѣдующее: „Пишущему эти строки довелось прочесть нѣсколько отрывковъ изъ Записокъ, веденныхъ В. А. Инсарскимъ, бывшимъ директоромъ канцеляріи при главнокомандующемъ на Кавказѣ, князѣ Барятинскомъ, а нынѣ московскимъ почтъ-директоромъ. Довольно значительное положеніе по службѣ, огромный кругъ лицъ, съ которыми автору приходилось быть въ сношеніяхъ, важныя событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ,—событія, кои составляютъ славныя страницы нашей исторіи,—все это доставило автору богатѣйшій матеріалъ для занимательности „Записокъ“. Но наблюдательность, умѣнье уловлять характеристическія черты лицъ и происшествій, способность рассказывать просто и свободно, сообщаютъ Запискамъ

особое, такъ сказать субъективное, достоинство, которое не часто встрѣчается. Мы читали далеко не всѣ Записки, о которыхъ говоримъ, поэтому рѣшительнаго слова о всемъ вообще трудѣ В. А. Инсарскаго произнести не можемъ; но то, что нами прочитано, безъ преувѣличенія, прекрасно. Описывая событія Кавказа, авторъ положительно переносить насъ въ его заоблачныя страны; вы видите этихъ отважныхъ бойцевъ, поносившихъ область, гдѣ кровавымъ боемъ нужно было брать каждый камень, каждый перелѣсокъ, каждый шагъ. Авторъ водить читателей по тропинкамъ, висящимъ надъ пропастями, по которымъ, однако же, лазили арміи, артиллерія и проч.; авторъ вступаетъ съ читателемъ въ лѣса, гдѣ каждое дерево—засада, каждый шагъ—погибель; онъ рассказываетъ, напримѣръ, что значать эти *проськи*, о которыхъ мы такъ спокойно и равнодушно читали въ реляціяхъ, между тѣмъ какъ посредствомъ ихъ совершилось главнымъ образомъ покореніе Кавказа. Проведеніе ихъ стоило арміи не менѣе сраженій; по нимъ шагъ за шагомъ двигались наши рати въ глубь неприступной страны; онѣ, какъ иглы, вливались въ грудь чудовища, отстаивавшаго себя слишкомъ

поливка против могущественнѣйшаго государства. Авторъ представляетъ намъ какъ главныхъ дѣателей этой войны, такъ и простыхъ ея сподвижниковъ, героевъ знаменитой арміи, оставившей за собою историческое имя *Кавказской арміи*. Записки исполнены рѣдкаго интереса; онѣ занимательны не только своимъ содержаніемъ, своею историческою стороною, но и нѣстами истинною поэзіею. — Авторъ задалъ себѣ задачу — *мудростію* *людило*, не дѣлать изъ себя цеховаго писателя, а просто записать для памяти то, что видѣлъ и слышалъ. Отъ этой простоты замысла и отъ богатства содержанія и вышло прекрасное дѣло: поэзія природы, поэзія подвиговъ и лицъ — ложилась сами собою подъ перо занимательнаго рассказчика. Событія и дѣатели ихъ отливались, какъ живые, въ свободныя и типическія формы. Лучшимъ доказательствомъ занимательности Записокъ служить слѣдующее: онѣ читаются съ глубочайшимъ интересомъ даже тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о событіяхъ, по видимому, не способныхъ интересовать равнодушнаго читателя, какъ напр. о домашнихъ своихъ дѣлахъ, семейныхъ и т. п.⁴

По обязательной благосклонности своей, В. А. Инсарскій доставилъ намъ возможность личнымъ опытомъ убѣдиться въ совершенной вѣрности этой характеристики. Мы неспытали пыское наслажденіе, перечитывая рукописные томы этихъ удивительныхъ Записокъ, обнимающихъ собою болѣе четвертя недавняго прожитаго вѣка.

Полное отсутствіе личныхъ пристрастій при изложеніи, которое однако постоянно согрѣто искреннимъ чувствомъ, рѣдкое умѣніе не теряться въ мелочахъ, но схватывать крупныя и рѣзкія черты лицъ и событій, наконецъ самое разнообразіе и важность содержанія,—содѣлають эти Записки истинно драгоценными для будущаго историка эпохи, почти намъ *современной*. Исполнѣ признавая и уважая условія скромности, налагаемыя сими послѣднимъ обстоятельствомъ, мы неспросили однако позволенія у многоуважаемаго автора — по нижеслѣдующему отрывку хотя нѣсколько познакомить читателей Русскаго Архива съ приемами труда его, коему вполне придаемъ значеніе исторіографическое. *И. Б.*
